

Содержание

Введение	9
----------------	---

Часть I

Перемещенные лица в Европе

Глава 1. Перемещение	43
Глава 2. Австралийские методы отбора	80

Часть II

Русские в Китае

Глава 3. Маньчжурия	117
Глава 4. Шанхай	154
Глава 5. Отъезд	189

Часть III

Переселение в Австралию

Глава 6. Прибытие	229
Глава 7. Белые русские	263

Глава 8. Красные русские	300
Глава 9. ASIO и холодная война	336
Заключение	373
<i>Статистические замечания</i>	<i>397</i>
<i>Библиография</i>	<i>413</i>
<i>Сокращения, используемые в примечаниях</i>	<i>429</i>
<i>Примечания</i>	<i>431</i>
<i>Благодарности</i>	<i>521</i>
<i>Указатель</i>	<i>525</i>

Памяти моего брата
Дэвида Фицпатрика
(1948–2019)

*И если понесут тебя волны,
пусть твое тело несут
или дыхание и прочее —
ума не унесут*^{*}.

^{*} МАРК АВРЕЛИЙ. Наедине с собой. XII 14. Перевод А. Гаврилова.
(Здесь и далее подстрочные примечания переводчика, если не указано иное.)

Введение

Эта история переселений. Но не история с добрым сюжетом, где переездом в другую страну люди стремятся переменить свою жизнь к лучшему, а отчаянная история, где беженцы, чья жизнь и так уже опрокинулась из-за войны и других бедствий, решаются на прыжок в неизвестность просто потому, что другая страна выдает им визу. Здесь рассказывается о русских, которые переехали в Австралию после Второй мировой войны. Война стала разрушительным взрывом, который силой сорвал большинство этих людей с насиженных мест и сделал их, выражаясь современным официальным языком, “перемещенными лицами” (*displaced persons*, DP, ди-пи). А еще речь здесь пойдет о русской революции 1917 года и о приходе к власти в Китае в 1949 году Коммунистической партии. Некоторые русские мигранты сохраняли советское гражданство вплоть до начала войны и оказались перемещенными лицами непосредственно из-за войны, а другие покинули Россию гораздо раньше, сразу после революции, и провели межвоенные годы в Европе или в Китае.

Примечательно, что поначалу Австралия была страной, которая приняла наибольшее количество русских перемещенных лиц — или, с советской точки зрения, украла их, — пока ее рывком не обогнули подключившиеся к этой гонке позже США, страна более крупная и многокультурная¹. Несмотря на это достижение (которого, похоже, никто в самой

Австралии даже не заметил), русские составляли сравнительно небольшую долю в неслыханно обильном послевоенном притоке мигрантов небританского происхождения, хотя их численность и значительно превышала показатели, приводившиеся в официальной статистике. Опираясь на весьма ненадежные данные, можно было бы утверждать, что за период с 1945 по 1954 год из Европы и Китая в страну въехали приблизительно 20 тысяч русских, а к 1960 году из Китая их прибыли еще 5 000; таким образом, за пятнадцать лет после окончания Второй мировой войны в Австралию прибыли в общей сложности 25 тысяч русских иммигрантов².

Какова бы ни была численность прибывших русских, сам состав этого контингента весьма любопытен. Во-первых, маршруты, которыми многим из них довелось добраться до берегов Австралии, отличались захватывающей сложностью и разнообразием: самый обычный человек с большой вероятностью мог поведать самую необычную историю пержитых скитаний, если бы только пожелал (впрочем, многие вообще не хотели ничего об этом рассказывать). Во-вторых, обманом присвоив себе иную национальность, предпочитали помалкивать о своем прошлом. И наконец, в-третьих, они приезжали в Австралию в ту пору, когда уже принимала очертания холодная война, и на словах они выказывали себя твердыми антикоммунистами, однако их не вполне отвергнутой родиной был Советский Союз — бывший союзник по Второй мировой, превратившийся в противника в новой холодной войне.

Русские оказались почти полными невидимками в потоке послевоенных мигрантов, прибывших в Австралию³. Отчасти это произошло потому, что они были менее многочисленными по сравнению с большими группами мигрантов того периода — поляков, югославов, итальянцев, — а отчасти из-за привычной скрытности тех русских, кто приезжал из Европы: они часто прибывали с паспортами других государств, а после приезда предпочитали не высовываться, опасаясь привлечь внимание советских или австралийских спецслужб.

В конце 1940-х и в 1950-е русские приезжали в Австралию главным образом из Европы и Китая. Европейский поток прибывал в основном из лагерей перемещенных лиц (ди-пи) в Германии, Австрии и Италии благодаря программе массового переселения, разработанной Международной организацией по делам беженцев (*International Refugee Organization, IRO*) в 1947 году и действовавшей до 1950–1951 года. Лагеря ди-пи создавались в Европе для людей, вынужденно покинувших родные края из-за Второй мировой войны (угнанных в трудовые лагеря или попавших в плен) и в итоге оказавшихся за пределами родных стран — Советского Союза (бывшие Прибалтийские государства были включены в состав СССР в 1939 году), Польши, Югославии и других стран Восточной Европы. На русских эмигрантов так называемой первой (довоенной) волны, покинувших родину сразу после большевистской революции 1917 года и известных также как “белые русские” (то есть антагонисты “красных”), мандат IRO поначалу не распространялся, поскольку они выехали из страны задолго до Второй мировой. Однако многим из них все-таки удалось получить статус перемещенных лиц и перебраться в Австралию вместе с остальными на бортах судов, зафрахтованных IRO.

Китайский поток составляли белые русские (различных национальностей), которые к моменту окончания Гражданской войны (около 1922 года) успели пересечь границу и обосноваться в Китае. Там выросло уже целое новое поколение, а многие и родились в Китае. Крупным местом их сосредоточения был Харбин в Маньчжурии — изначально русский город, основанный на рубеже XIX–XX веков, когда русские строили Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В Шанхае, Тяньцзине, Даляне и других приморских городах Китая также осело много русских, в том числе и бывших офицеров-белогвардейцев из разгромленных войск (включая казаков из отряда атамана Семенова). С начала 1930-х до конца войны маньчжурские русские жили в зоне японской оккупации, после чего регион на короткое время оказался под совет-

ской оккупацией. Диаспоре в Шанхае с 1937 года довелось пережить непродолжительный период более мягкого японского правления, а после окончания войны там утвердилась американская администрация. Вторично покинуть насиженные места китайских русских вынудила не война — причиной стал рост враждебности китайцев после 1949 года, когда к власти пришли коммунисты.

История этих переселений тесно связана с холодной войной. Эта связь проявлялась и в самом процессе, который позволял мигрантам добраться до Австралии, и в отношении со стороны чиновников и местных жителей, с которыми переселенцы сталкивались по прибытии. В большинстве исторических работ, посвященных холодной войне, о миграции почти не говорится: чаще всего в центре внимания оказывается дипломатия высшего уровня, поиск сверхдержавами союзников и государств-сателлитов, а также страхи перед шпионами и врагами на собственных территориях. Но в любом обсуждении холодной войны как международного явления следовало бы затрагивать — как очень важную — тему миграции. Ведь мигранты могли оказаться переносчиками коммунистической заразы, особенно если их родным языком был русский. Кроме того, с советской точки зрения, *завладение* перемещенными лицами было одним из вопросов, вызывавших больше всего споров на начальном этапе холодной войны. Советский Союз желал заполучить обратно всех своих бывших граждан; когда же Запад отклонил это требование, а позднее и организовал переселение невозвращенцев в дальние страны вроде Австралии, власти СССР преисполнились негодованием из-за “кражи их людей”. В глазах Запада никакой кражи не происходило, просто оказывалась гуманитарная помощь тем людям, которые, предположительно, “выбрали свободу” (таков был излюбленный оборот на Западе времен холодной войны) вместо жизни под пятой коммунистической диктатуры.

Не сумев заполучить “своих” перемещенных лиц, СССР переключился на другое направление — собирался покарать

военных преступников среди тех, кто переселился в Австралию и другие страны за пределами Европы. Как правило, речь шла о людях, которые не просто сражались под немецким командованием на фронтах Второй мировой, но были причастны к зверствам, чинившимся в отношении евреев и других гражданских лиц на советских территориях, временно оккупированных немцами. Австралия, как и другие страны, оказавшиеся в годы холодной войны на стороне Запада, выдавать таких людей отказывалась.

Социальные историки, как и историки холодной войны, уделяли мало внимания миграции, предпочитая изучать людей и общества в состоянии покоя, а не движения, однако с недавних пор, когда исследователи заинтересовались межгосударственными процессами, здесь все несколько изменилось к лучшему. С моей позиции социального историка, нет ничего более захватывающего, чем возможность проследить за тем, как отдельные люди приспосабливаются, а сообщества самоорганизуются, когда им приходится отрываться от родной или привычной среды, дожидаться переселения и наконец переселяться и укореняться на новом месте.

В прошлом я проводила исследование того, как люди в России заново выстраивали свою жизнь после русской революции и прекрасно справлялись с этой задачей, используя буквально то, что было под рукой, чтобы создать себе новые маски, которые в дальнейшем помогали им избегать опасностей и реагировать на открывавшиеся возможности⁴.

Еще раньше я изучала вертикальную мобильность общества после революции и те способы, которыми русская деревня реорганизовывалась после коллективизации в начале 1930-х годов (и попутно меняла само значение понятия “коллективизация”)⁵.

Теперь же я впервые взглянула на людей в состоянии движения в межгосударственном пространстве, а значит, здесь затрагиваются такие темы, как перевоплощение личности, социальная мобильность (зачастую снижение статуса для представителей первого поколения мигрантов, если не для

их детей) и самоорганизации сообщества в новой среде приютившей переселенцев страны. Толчком к этому исследованию послужило мое возвращение в Австралию в 2012 году после почти пятидесяти лет жизни вдали от родины.

В середине 1960-х, когда я уезжала из Австралии, будучи аспиранткой, миграция уже признавалась важной частью местной истории (да и как можно было этого избежать, если сама история Австралии понималась как история ее заселения белыми людьми?), однако мигранты-небританцы, в больших количествах прибывавшие на континент после Второй мировой войны, еще не сделались предметом значительного интереса исследователей. За время моего отсутствия и здесь произошли перемены, так как в 1980-е годы наступила эпоха мультикультурализма, но все равно акцент чаще всего делался на “вклад” в австралийское общество и культуру, сделанный различными группами иммигрантов. Сейчас миграция становится все более популярной темой в австралийской истории — особенно опыт, полученный мигрантами по прибытии сюда (обеспечение их жильем, работой, взаимоотношения с австралийцами, степень ассимиляции и так далее).

Предмет этой книги несколько иной. Опыт прибытия в чужую страну и первые попытки найти свое место в ней не начало, а лишь концовка моего рассказа о русских переселенцах. В центре моего внимания — различные пути и маршруты, которыми двигались русские мигранты, прежде чем оказаться в Австралии после окончания Второй мировой войны. Как и историка Джой Дамузи, автора работы о послевоенных мигрантах-греках⁶, меня интересует тот интеллектуальный “багаж”, который привозят с собой мигранты (пусть даже сами они стремятся поскорее забыть о нем), в частности, их политический опыт и память о пережитом.

Политический “багаж”, привезенный в послевоенные годы русскими иммигрантами, интересен и в чем-то противоречив. Все они прибывали как антикоммунисты, отказавшиеся возвращаться на родину, если они следовали из Европы, и бежавшие от установившегося коммунистического

режима в Китае, если прибывали оттуда. Для белоэмигрантов из их числа этот антикоммунизм был заметной частью идейной общности, определявшей их группу. Но для тех, кто до войны имел советское гражданство и был оторван от родины против своей воли, например, оказавшись военнопленным или будучи угнанным как остарбайтер, все обстояло сложнее. Советские граждане-невозвращенцы так же энергично, как остальные, выражали нежелание репатриироваться, особенно те, кто скомпрометировал себя службой во власовской армии (Русской освободительной армии в составе вермахта), однако за этими протестами, вполне вероятно, скрывались более неоднозначные позиции.

Когда по окончании войны американские исследователи в Германии проводили масштабное интервьюирование перемещенных лиц (в рамках Гарвардского проекта по изучению советского общественного строя), опрашиваемые высказывали резко антисоветские политические взгляды. Но когда речь заходила о социальных институтах, беженцы выражали совсем другие мнения. Несмотря на обличения советского строя в целом, они, как правило, положительно оценивали предоставление бесплатной медицинской помощи и образования, причем отмечали, что последнее открывает людям возможность проявить свои лучшие способности и качества и самостоятельно продвинуться по общественной лестнице; они также поддержали ряд советских ценностей — таких как равноправие, эмансипация женщин и отсутствие дискриминации по расовому и национальному признакам, и согласились с тем, что гордятся советскими экономическими и военными достижениями⁷.

Если предположить, что перемещенные лица, намеревавшиеся эмигрировать в Австралию, придерживались сходных взглядов с теми, кто собирался эмигрировать в Америку, то им наверняка была присуща подобная двойственность суждений. Конечно, едва ли можно было ожидать, что русский мигрант принялся бы рассказывать своим австралийским знакомым о системе здравоохранения в Советском Союзе, а его